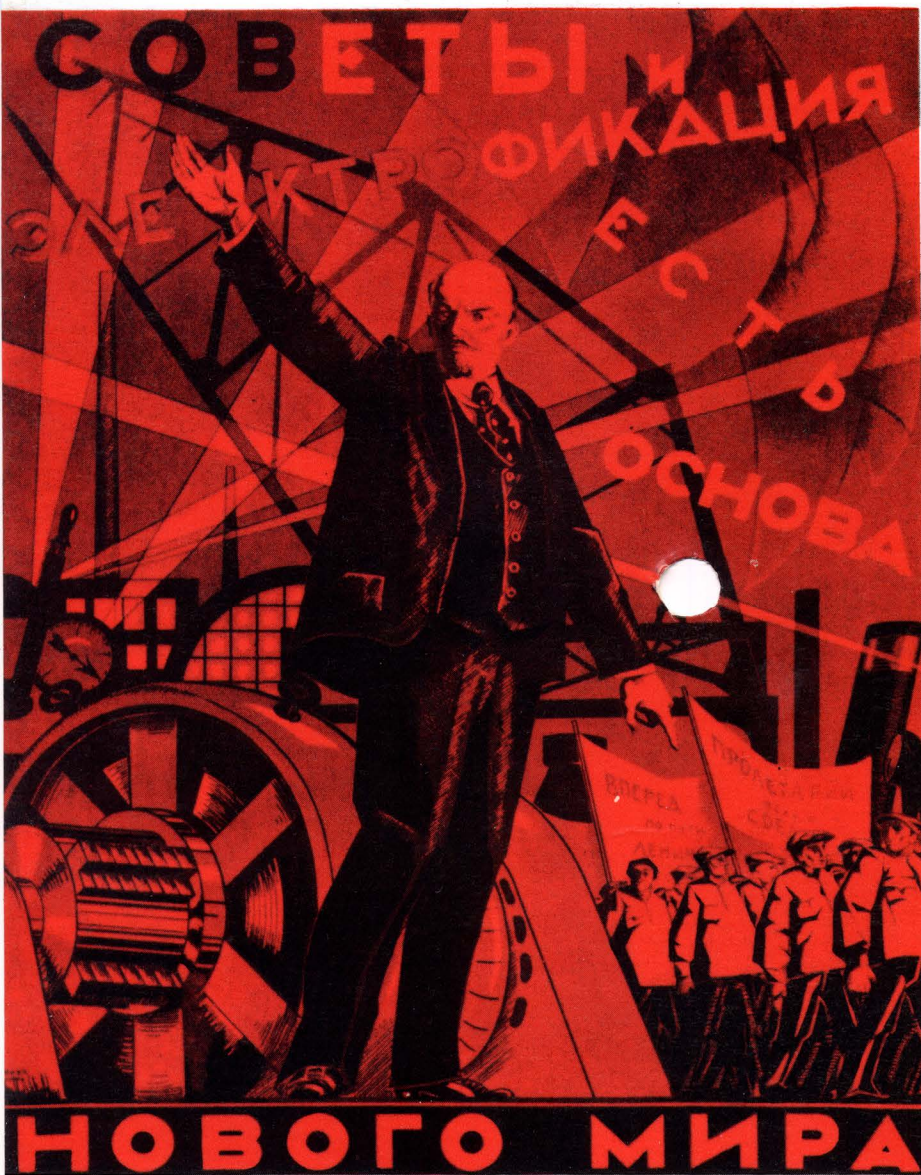

12 Кружок 69

ЖИТЬ И РАБОТАТЬ ПО-ЛЕНИНСКИ

Заместитель председателя Совета Министров Литовской ССР Л. Диржинскайте:

— Всякий раз, делая решающий шаг в жизни, я думаю о Ленине, стремлюсь поступать так, как учил он.

Для меня жить и работать по-ленински — это значит превыше всего ставить интересы общества, интересы строительства коммунизма.

Шлифовщик Томского завода режущих инструментов А. Пинчук:

— Учусь у Ленина понимать великую цель своей работы. Во имя чего ты трудишься — ведь не только ради выполнения плана и зарплаты? Надо каждому почувствовать себя частицей коллективного труда бригады, цеха, завода; всей страны.

Работать на совесть — это и значит работать по-ленински.

Писатель Константин Симонов:

— ...Это значит — верить в правоту идей Ленина. Не веря в них, нельзя жить и работать по-ленински. Это значит — работать, пока живешь. Отдавать делу, которому ты служишь, все свои силы на протяжении всей жизни. Это значит, когда ты прав, — иметь мужество отстаивать свои взгляды при любых обстоятельствах. Это значит, когда ты неправ, — иметь мужество увидеть, назвать и исправить свои ошибки. Это значит — всегда больше думать о других, чем о самом себе.

А. С. Мелы х. «Советы и электрификация есть основа нового мира».

*Что значит жить
и работать по-ленински?
С таким вопросом
редакция обратилась
ко многим
советским людям —
рабочим и колхозникам,
деятелям науки
и культуры,
воинам
Советской Армии
и учащимся.
В этом номере
мы публикуем часть ответов
на ленинскую анкету
«Кругозора».*

В. Шарейно, председатель колхоза «Рассвет», Ленинского района, Крымской области:

— Перед войной во всех колхозах нашего района было лишь два трактора, а нынче в одном «Рассвете» их без малого сорок. Вот свидетельство тому, как колхозное крестьянство осуществляет ленинский кооперативный план.

Президент Академии наук Казахской ССР, лауреат Ленинской премии Ш. Есенов:

— В Ленине, крупнейшем мыслителе двадцатого века, ученые ценили и ценят гениальную эрудицию, его постоянную заботу о развитии отечественной науки.

Чрезвычайно привлекательным в Ленине является его подлинный демократизм, доступность и простота в общении с людьми. Недавно говорят, что Ленин прост, как правда. Вот эту простоту я и считаю признаком истинного величия.

Художник, лауреат Ленинской премии М. Сарьян:

— Постигать законы общественного развития. Постигать законы мастерства. Впитывать впечатления жизни, ибо творческий плод рождается только от внутренней переполненности. И не просто жизни, а жизни твоего времени и твоего народа. Это урок, который дал мне Ленин.

1969

Мир шагает в будущее.

Позади —

еще

год.

Год

мирового форума

коммунистов.

Год космических побед,

итогов и перспектив

колхозного

строительства.

Человечество дерзает,

борется, побеждает.

Прислушайтесь

к голосам 1969-го.

На 1-й и 2-й звуковых

страницах — панорама

главных событий.

ВСЕГО ЛИШЬ ДЕНЬ...

...Начнем с того, что он был совсем обычным. Будничный, рабочий, помеченный в календаре уходящего года двадцать пятым июня. День, каких сотни...

«Присмотритесь к нему внимательно, — сказали мы нашим слушателям, — поглядите на него со стороны, чтобы заметить незаметное, положите руку на его пульс, решите для себя: много это или мало — один день?»

«Много», — ответили молодые ученые одного НИИ. Они начали новое дело, и этот день показался им громадным, как Эльбрус.

«Мало», — грустно вздохнули конструкторы другого НИИ. У них не клеилась работа, и день показался им маленьким, как Казбек на спичечной этикетке.

«Писала письмо своему другу в армию и не заметила, как уже началось 25-е... Утром встала, распахнула окно, умылась. По дороге на работу опустила письмо. Если бы я получила письмо от него, то считала бы, что этот день самый счастливый. Почему мужчины не любят писать?.. Ну, а работа как работа. Стою у конвейера, опаздывать нельзя. Нормы выполняем, брака нет, конвейер движется. Двигается и жизнь. А писем от него все нет и нет... Всю неделю ждешь писем и выходных. А когда они придут (не письма, а выходные), спучаешь по девчонкам, хочется на работу... Вот и все, — так написала нам Галя К. из Кирова. — Кстати, почему вы выбрали именно 25 июня? Если бы десятью днями раньше, то я написала бы, что меня выбрали профгруппоргом вместо подруги, которая ушла в декрет...»

А действительно: почему 25 июня? Обычный день... Но ведь конвейер-то двигался! Гудели станки, разворачивались подъемные краны, шумно падала вода на лопасти турбин, и, как сказал поэт, «все совершалось с простотой почти необычайной».

И во многих письмах мы ощутили движение человеческой души, такое ясное и неукротимое... Оно сродни движению времени, которое складывается не столько из самих дней, сколько из того, чем эти дни были нагружены и чем они наполнили сердце.

Страна пишет на листах календаря знаменательные даты, а мы черкаем рядом пометки, как зарубки на память, что надо сделать... И не хватает чистого места на листах. И досадуешь: не все

успел... Но ведь не было бы никаких знаменательных дат, если бы не это наше ежедневное дело.

«А я в этот день ничего не делал. Не удивляйтесь — это мое право, закрепленное Конституцией: я, видите ли, нахожусь в отпуске. Весь день читал «Королеву Марго». Несерьезно, наверное, но «Тихий Дон» и «Как закалялась сталь» я уже читал — и не раз», — пишет Прозат Ш. из Казани.

«Троекратное ура! Я женился! В паспорте громадный штамп, и на нем — 25 июня. Подругу жизни зовут Зиной. На руке у меня кольцо, а «подвенечный» костюм я уже отнес в химчистку, ибо облил шампанским прямо во Дворце бракосочетания — так сильно волновался!..» — рассказывает Петр С. из Харькова.

День. Разве можно оторвать его от других, от всей жизни, каждое звено которой должно быть крепким?! Запыхавшись в беге, вырывая у дистанции последние метры, бегун передает эстафету товарищу, тот — следующему, и снова — стремительное движение. И если победа, то чувствуют всех одинаково — и того, кто бежал медленнее других, и того, кто опередив многих, разорвал грудью финишную ленту. Общая победа!

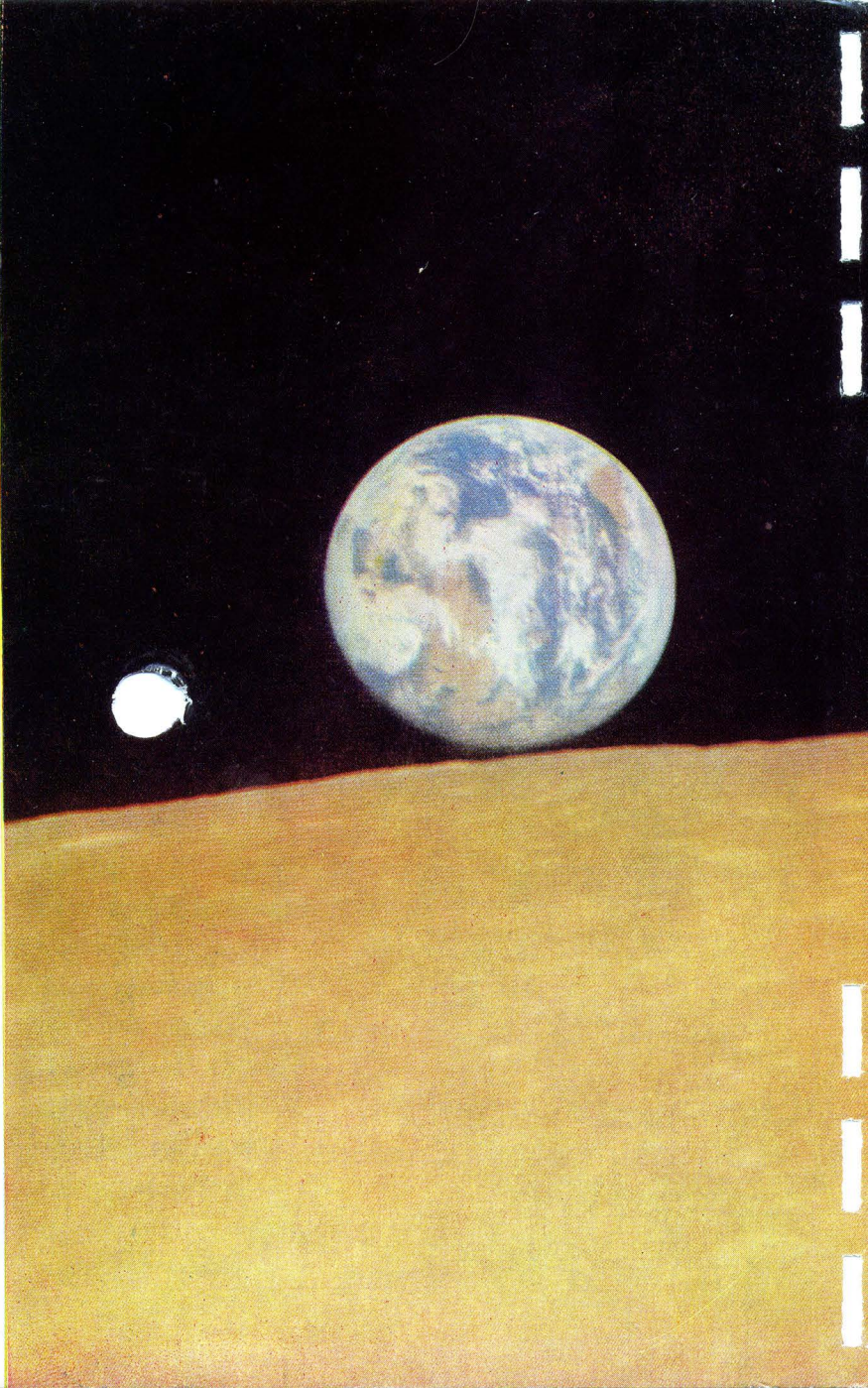
«...Я пришел на работу, зная, что мне надо написать вам. Но о чем? О том, что я делаю всегда? Это тускло. И я нашел выход. Дай, думаю, попробую сделать за смену больше, чем всегда. И представьте себе, раздвоился. Один Коля стоит за станком, а другой около. Один работает, а другой говорит ему: «Не так... Медленно работаешь, кореш. Где у тебя лежат инструменты? Резец сюда клади, а ключ — сюда. Удобнее и быстрее!» Один Коля захотел покурить (только что курил), а другой Коля берет его за ухо и — как, мол, не стыдно? И правда, стыдно за много, что было раньше.

За смену (на удивление всем, кто меня знал) сделал я чуть ли не в полтора раза больше. И напрашивается вопрос: а что, если каждый день мне перед вами отчитываться? Перед собой, конечно. И вообще — перед людьми. А?»

Радиостанция «Юность»,
коллективный корреспондент
«Кругозор»

Земля перед заходом за край Луны. Снимок сделан автоматической станцией «Зонд-7».

Крупнейшая в мире фабрика энергии — Красноярская ГЭС.

продолжение следует

— Утром репетиции в театре, вечером тоже. И так каждый день. А еще спектакли, концерты, занятия в институте. Просто не представляю, как выкроить время для записи,— говорит, как бы извиняясь, солистка Большого театра Тамара Сиянская.

Ее время расписано по минутам. Сейчас Большой театр готовит к постановке «Семена Котко» Сергея Прокофьева. Это главная

вания и есть тот емкий и сложный комплекс качеств, который необходим артисту.

Я охотно вспоминаю прошедший 1969 год, вспоминая победы исполнителей. Тамара Сиянская — «Гран-при» на конкурсе вокалистов в Вербье (Бельгия); Любовь Тимофеева — победительница конкурса пианистов имени Маргариты Лонг в Париже; Виктория Яглинг — победительница конкурса виолончелистов имени Гаспара Кассадо во Флоренции; Владимир Спиванов — первая премия на конкурсе скри-

в оперную труппу ГАБТ после удачно слетой партии Ратмира и одновременно занятия в ГИТИСе в классе профессора Д. Б. Белявской. Были победы на международных конкурсах в Софии, в Вербье, зарубежные поездки с театром — в Польшу, Канаду, ГДР. Новые партии театрального репертуара... Сиянская за роль Комиссара в «Оптимистической трагедии» Холминова получила Государственную премию...

Я рада, что Тамара Сиянская хороша собой и так жизнерадостна. И что вся она истинно русская — с любовью к отечественной опере и романсам. И что она так артистична, естественна и чувствует себя как дома — на сцене театра и концертного зала...

работа оперной труппы в нынешнем сезоне. Тамара поет партию Фроси, сестры Семена Котко.

Роль привлекает певицу своей психологической сложностью. Интерес, с которым Тамара Сиянская рассказывает о своей новой работе, свидетельствует о способности увлекаться буднями артистической жизни. Профессия артиста требует и воли, и напряжения, и веры в победу. Нужно преодолевать усталость от постоянного напряжения, порой неудовлетворенность собой. А если речь идет о таком тонком и капризном инструменте, как человеческий голос, это еще и сражение за хорошее звучание, за новую высокую ноту: голос еще не привык к ней, а именно в новой партии ее обязательно нужно взять, да еще звонко, мощно... Талант, уверенность, умение убеждать, способность предельно организовать свою волю в момент выступления, а тем более конкурсного соревно-

вания в Монреале... Как и все, для кого исторгнутый из инструмента звук несет в себе, кроме высоты и длительности, духовную информацию, я от души хочу, чтобы молодые музыканты помнили: нет ничего в искусстве выше, чем стремление раскрыть тайну музыки, постичь ее суть. Составление — возможность проявить себя и доказать свою жизнеспособность в искусстве, средство к достижению высшей цели: услышать однажды, как твое толкование музыки рождает в зале священную тишину, которая оглушительнее бури аплодисментов...

Об этом я думала, когда Тамара Сиянская рассказывала, что она успела за свои 25 лет. В детские годы — занятия в хоре Локтевского ансамбля; внезапное решение поступить в консерваторию и в стажерскую группу Большого театра — с романтической отвагой юности, без специальной подготовки... Работа в театре в качестве стажера, зачисление

На фото: победители международных конкурсов Т. Сиянская и Л. Тимофеева.

Фото Л. Лазарева

Леонид МАРТЫНОВ

Славные камни
С Ленинских гор...
Вот у этого камня свернувшийся
взор,
А у этого камня — лиловая пасть.
Надо бы этим камням
не пропасть,
Вновь во глубины земли
не осесть.
Руки у меня для этого есть.
Я эти камни из-под земли
отрывал,
В Москве-реке я их отмывал
От их грязевых, пылевых
покрывал.
Если бы я архитектором был,
Я бы их в дело употребил,
Я бы мозаику сделал из них.
Если уж замысел этот возник,
Пойду поговорю об этом
С Ломоносовым за университетом.

Борис СЛУЦКИЙ

Ветер пролетающих поездов.
Зоны провисающих проводов.
Поезда летят.
Провода гудят.
Все, как тридцать лет назад.
Видно, линии железных дорог
потревожить не собрался рок.
Поезда летят.
Провода гудят.
Это век сохранил, уберег.
Видимо, они еще нужны
для пейзажа и для всей страны.
Поезда летят.
Поезда гудят,
словно бы задолго до войны.
Почему-то стальное полотно
с юностью сопряжено.
Провода гудят — обо мне.
Поезда летят — все ко мне,
как гудели и летели так давно!

Евгений ВИНОКУРОВ

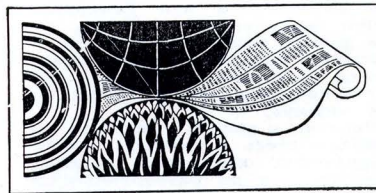
сенсация

Из иностранной тетради

Зевая, встанешь на рассвете,
И, словно бы сойдя с высот,
С липучей полосы в газете
Сенсация вдруг полоснет.
Сенсация.
Нам от сенсаций
Уж не укрыться все равно
Под сенью сладостных акаций,
За гольфом иль за домино...
Сенсация встает на ножки
И вдруг бежит, — бог весть
куда! —
Стремительней, чем миноноски,
И экстренней, чем поезда.
Эскадры отдают швартовы.
Припали головы к рулю...
— Вы слышали? — О чем? —

Да что вы?
— Не мо... — Да я вам говорю!
Земным овладевая шаром —
Покой? Да где он? Нет как нет! —
Сенсация лесным пожаром
Уж охватила континент.
За новостью спешим, за всякой!
Давай известий!.. Без помех
Слюнявой бешеной собакой
Сенсация кусает всех.
Готовьте люминала тонны!
Бессонница вползла в дома.
Сенсация — хоть ставь кордоны! —
Как в средние века чума.
Товарищи заочники,
вы кормите семью,
вы планы перевыполняете,
заботитесь о быте
и, кроме того, возвышаете
всю эпоху свою
и всю свою планету
гоните по орбите.
Пока по вечерним школам
не гаснет вечерний свет
и практикум по глаголам
требует ваш ответ,
понуда вы подчеркиваете,
зачеркиваете, вычеркиваете,
пока из бездонных колодезь
науку вы вычерпываете,
бессонные ваши головы
обступает рассвет
и солнышко с уважением
сияет вам свой привет.

Рисунки В. Сухомлинова

ПОЧТА. «Я, мастер, именуемый Якобом Рабом, по милости господ, с его помощью и во славу его воздвиг это сооружение. Чем и украсил общину. Летосчисления тысяча шестьсот первого. С тем, чтобы стало светлым бытие».

Желтые буквы на синем фоне описали орган Домского собора. Поясним сразу: это не один, а два инструмента. Один — старый, который построил Якоб Раб; от него остался внешний наряд. Другой — новый, о нем речь впереди. Сперва о том, старом.

Послание мастера было обращено к предкам и потомкам. «Конвертом» был 42-голосный орган с вращающимися при игре звездами. Мастер Раб с высот своего 1601 года торжествуяще обращался к некоему Ктесибью, жителю Александрии. По просьбе своего отца-парникмахера смышленнейший Ктесибий во втором веке до нашей эры сделал зернало, подымавшееся и опускавшееся перед клиентами с помощью сжатого воздуха. И он заметил, что сжатие воздуха падающим в трубе свин-

ИНСТРУМЕНТ. Якоб Раб кричал в будущее: «Не забудьте мой со-ронадвухголосный!..» Не забыли. Но переделывали, перестраивали и в конце концов заменили новым. Старые, ветхие рабовские трубы навсегда отсоединены от мехов. Снизу чернеют отверстия. Можно наклониться и дунуть. От слабого человеческого выдоха труба задрожит и отзовется.

Возносящиеся круто вверх серебряные башни Домского органа скрывают не только слабую, «грешную» фигуру органиста. Они укрывают весь хитросплетенный и старомодный в своей громоздкости механизм. Это работающие большие и мелкие (от 10 метров до 10 миллиметров) трубы, мехи, деревянные камеры, где хранятся запасы воздуха под нужным давлением, тонкие фанерные тяжи — драночки, которые тянутся от клавишей и передают сигнал музыканта к ящикам с воздухом, к отдельно стоящим трубам

МУЗЫКА

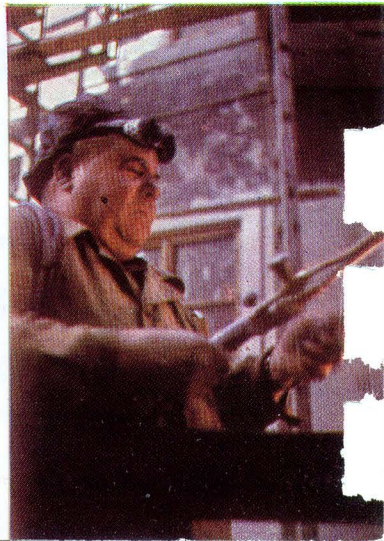
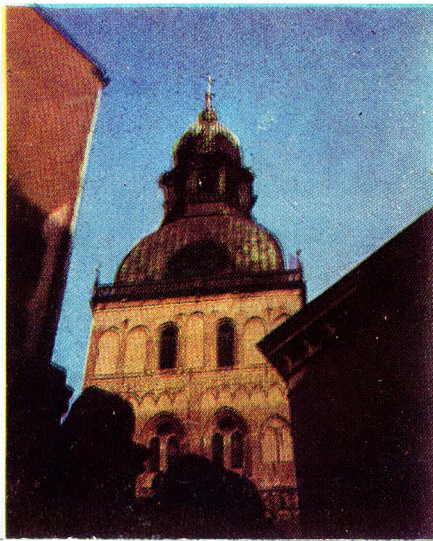

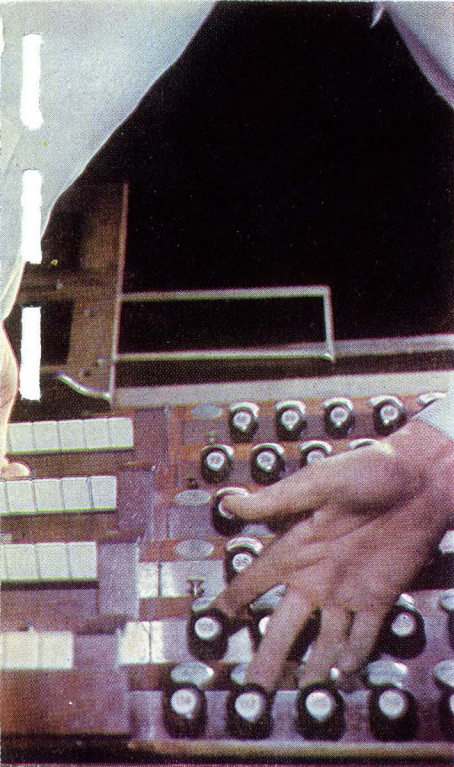
Артем ГАЛЬПЕРИН

цовым шариком исторгало звук. Так был открыт принцип органа.

ПЕШКОМ. В Риге я ходил от гостиницы к Домскому собору игрушечным путем — по Калею, проходным двором на Яня эста, затем на Скарню и так далее. Тут от двери до двери достать рукой можно, и обитатели улицы Кузнецов. Живописцев или Пивоваров любят, высунувшись из окон, вести долгий разговор с соседом. А неловкий прохожий, поскользнувшийся на апельсинной корке, рискует получить сверху насмешливое «ку-ку».

Подходя к собору с востока, вы приближаетесь к громаде носу поставленного каменного корабля. Кажется, что он разворачивается перед тем, как отплыть. Воспринимаешь его как раз и навсегда данное, а не сложенное из разных кубиков.

и к наборам воткнутых в дерево разнокалиберных свистулек, похожих на колышки, что в зоопарке мешают убежать слонам...

ЗА СТЕНАМИ. Собор надежно укрывает орган под сводами сводами. Даже рев десятиметровых деревянных желобов не услышишь на улице. А вот с улицы... Где-то протарахтел грузовик, и сводчатый резонатор зазвенел снизу доверху, ответил своей каменной нотой.

Чего только не слышали стены собора за восемь веков... Ругань меченосцев и жужжание монахов в белых сутанах с черными капюшонами. Треск ломаемых икон в пору реформации. Громовой голос царя Петра, бросившегося спасать от пожара соседнюю церковь. Скрип телега, подвозивших зерно в лихом 1812 году: собор тогда отложил на некоторое время свои церковные дела и стал амбаром, так же как за полтора столетия до этого был винным складом.

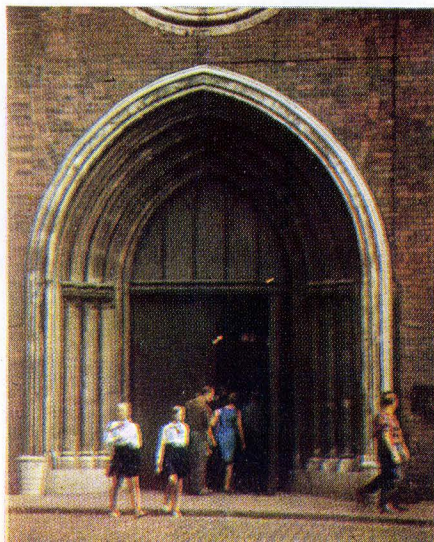
Век XX. Стеклообразные лепестки окон дрожали от мерного шага революционных латышских стрелков, от партизанских бомб в последнюю войну. Сегодня в пыльных стеклах отражаются красные шлемы рижских мотоциклистов, которые вот-вот да и унесутся с сумасшедшей скоростью по своим маршрутам. Почему-то они назначают встречу друг другу у старого собора.

МАСТЕР. Домский орган был перестроен в конце XIX века. По тому времени получился совершеннейший инструмент. А сейчас, когда вы вглядываетесь в его деревянные переплетения, он кажется старой каравеллой. Скрипучие лесенки ведут направо, налево, вверх, вниз. По ним карабкается органный мастер с молоточком в руках.

Когда Гуннар Далманис открывал мне тайны механизма, я ловил себя на том, что начинал думать об органе, как о живом человеке. «Ну, что он, — допытывался я, — ну, как он?» «Наш ор-

на площади

Фото Л. Лазарева

ган, — объяснили мне, — романтический... Звук более мягкий, более округлый, нежели у его предшественников. Это отклик органных мастеров на эстетические требования эпохи романтизма. Романтический мир оценил инструмент.

Вездесущий Лист и тут был первым. В 1883 году на открытие рижского органа им была написана кантата для этого инструмента, хора, труб и литавр».

ВОКРУГ. И по мере того как я в сотый или в сто первый раз проходил по крошечным улицам старой Риги, мне стало казаться, что люди, собор, орган, история — все, что кипит и сегодня здесь, слилось воедино. Что стоит только прикинуть к этому пульсу — и услышишь удивительные вещи.

О них — на шестой звуковой странице.

определенного ритма и нескольких отдельных, не связанных между собой слов.

В черновиках видишь эти отдельные слова: для стихотворения «Среди поклонников Кармен» — это было само имя героини — слова «поет» и «шешат»; для стихотворения «Одна ложные на небе черном» — ритм «песенки, петой на площади Синьории», и само это слово «синьора».

Есть у Блока стихи, созданные почти мгновенно, вылившиеся на бумагу сразу. «Ты — как отзвук забытого гимна», «О да, любовь вольна, как птица» были написаны в одну ночь. Видишь, как первоначальный замысел борется со словесным материалом, как иррациональное лирическое волнение постепенно смиряется строгим сознанием, как неожиданные ассоциации иногда резко поворачивают сюжетный ход.

Но большинство стихотворений Блока — растения многолетние и в его книгах имеют двойную дату, отмечающую время начала и окончания работы. Блок никогда не топчет, не попускает свою музу. Он

21 декабря:
Стихами своими
я люблю себя и вас
последнее слово — Кремль
Колеса и Колеса Григорий
Котом какаясь
Луга москв, коро
двух двух двух
и два два, в к
и снова, это слово

Лев ШИЛОВ

И ЖИЗНЬ торжествует

Найден новый автограф Александра Блока. Строчки, написанные быстрой рукой... В одном слове пропущена и тут же вставлена буква... Удивительное чувство испытываешь, рассматривая его рукописи.

Блок, как это установил еще в 1920 году профессор С. И. Бернштейн, принадлежал к чрезвычайно редко встречающемуся типу поэтов, которые в момент создания стихотворения даже мысленно не произносят написанных слов. Блок говорил Бернштейну, что ему необходимо видеть перед собой все варианты, для того чтобы сделать окончательный выбор. Стихотворение рождается у него иногда из одной строчки, не обязательно начальной, иной раз из

дает стихотворению созреть, органически развиваться. Так, дневниковая запись о цыганке чью руку «всю в чешуе от колец» поцеловал поэт на вокзальной платформе и чье пение «совершенно разодрало сердце», справедливо считается исследователями творчества Блока тем зерном, из которого вырастет знаменитое «Седое утро». Но понадобится еще много месяцев, чтобы накопились и другие впечатления, цыганские романсы «божественной» Вари Паниной и «толстой» Раисовой и знакомство со знаменитой Ксюшей, которая подарила поэту свой перстень, — и только тогда появятся эти стихи.

Они интересны той высокой степенью приближения к конкретно

жизненному и психологическому способу изображения человека, который становится все более характерным для Блока. Черновик позволяет увидеть, как вместе с тем осторожен поэт в выборе «реалий», как он отказывается от некоторых прекрасных, но слишком «бытовых» строк и образов.

За пределами окончательного текста останется и странное название ресторана, в котором пела цыганка, — «Невечерний», и «зубов блестящий ряд», и «смутная рука», и, наконец, сами прощальные слова цыганки:

«Любила, барин, я тебя...
Цыганки мы — народ рабочий...»
И, вполтину разлюбя,
Смотрю в тускнеющие очи.

Это Давид — Давид Скрябин
 брат Этому завту — как-то
 себя катает на моем стуле
 и принимает в себя
 как кусок свинца. Если он
 при этом телом, а не
 душой, он неустойчиво пред-
 ставляет впечатление: пока не
 свалится сд-то, в горы.
 Но вот уже другой манер
 вани за мн.

И Давид превращается.

Александр Блок

июль 1908.

ной был для меня автограф Блока в альбоме секретаря-библиографа Петербургского филологического общества Максимова, воспроизводимый на этой странице «Кругозора»:

«Что делаешь — делай скорее. Верный этому завту — каждый день поднимает на плечи новую тяжесть и принимает в сердце новый кусок свинца. Если он при этом человек, а не рухляк, он неустойчиво продолжает восхождение, пока не свалится где-то в горах. Но вот уже другой тащится за ним. И жизнь торжествует».

Этот автограф, датированный 5 февраля 1908 года, позволяет глубже понять стихотворение «Ну что же? Устало заломлены руки...», которое вчерне было набросано в тот же день:

Но я — человек. И, паденье
 свое признавая,
 Тревогу свою не смирю я:
 она все сильнее,
 То ревность по дому, тревогою
 сердце снедая,
 Твердит неотступно: что делаешь —
 делай скорее.

1908 год был для поэта кризисным. «Довольно быть декадентом и лириком. Пора стать человеком и гражданином» — вот лейтмотив его публицистических статей этого времени. Тема «долга» звучит даже в письмах к жене Любови Дмитриевне. Опять мы встречаем столь важную для Блока мысль: «что делаешь — делай скорее».

«Беспочвенности и усталости я одинаково не принимаю к сердцу — им нет места среди нас, художников. И поэтому многим из вас я только хочу пожелать: что делаешь — делай скорее».

...Рассматривая автографы Блока, видя, как на один и тот же лист ложатся слой за слоем новые редакции, различая их по ритму почерка, цвету чернил или карандаша, еще раз понимаешь справедливость слов Пушкина о рукописях Байрона: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства».

Автографы Блока предоставлены ИРЛИ (Пушкинский дом) и библиотекой имени Салтыкова-Щедрина.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Что ж, если вы грустите о другом,
 Как я — о вас... Да совершится чудо!

И счастье вас да осенит крылом! —

Преградой между вами я не буду.

В сторонку тихо отойти смогу.
 Как жил когда-то, стану жить

и дальше.
 Что ж, будьте счастливы!.. Нет, я не лгу!

В моих словах — клянусь! —
 ни капли фальши!..

Но там, внутри, под ворохом сухим

Разумных мыслей, пламенно и дино

Растет желанье — до тоски,
 до крика:

Со мною будьте счастливы!
 Не с ним!

С неба видел я полей квадратики
 И хитросплетенья синих рек.
 Я ступал на берег Адриатики,
 Ощущал Памира вечный снег.

Жизнь далекое пути отмерила,
 Побродил я широко вокруг:
 Вдосталь изучил природу Севера,
 Согревал меня лучистый Юг.
 Благодарный миру за доверие,
 Выложу всю правду, не тая:
 Все ж не наслаждался в полной мере я
 Дивным совершенством бытия.

За морями и за перевалами,
 Средь земных бесчисленных красот
 Красоты твоей все не хватало мне...
 Все-то мне тебя недостает!

Перевела с калмыцкого
 Юлия Нейман.

Долго писалось это стихотворение, но, и напечатав его, Блок все жалел, что оно получилось не совсем таким, как ему хотелось.

Как правило, возвращаясь к стихам, уже достаточно котлежавшимся, Блок смотрел на них чужими глазами, и не было, пожалуй, критика блоковских стихов более беспощадного, чем сам автор. К замечательной, не раз цитировавшейся строфе:

Всю жизнь жестоко ненавида
 И проклиная этот свет,
 Пускай — грядущего не видя,
 Но существу сказавши: «Нет», —

следует приписка: «0!0!0! Трескотня...»

Перечитав стихотворение «Есть времена, есть дни, когда...», Блок записывает: «Как заржавели стихи. Долго не писал. Это не оригинально».

Сопоставив со стихами дневниковые записи поэта, воспоминания современников, исследования специалистов, начинаешь постигать всю сложность творческого процесса. Иногда этому помогают счастливые находки. Такой наход-

После окончания песенного фестиваля «Сочи-69» председатель жюри композитор Александр Пахмутова сказала мне:

— Теперь мы можем наконец посмотреть на себя в зеркало, не боясь увидеть близнецов или обознаться. Отныне мы ни на кого не похожи. И дело не только в изменении имени фестиваля, в котором рядом со словом «молодежная» стоит сегодня — «политическая песня». Дело прежде всего в том, что и репертуар и отбор исполнителей в этом году были иными. Мы руководствовались не модой, не популярностью певцов, а гражданственностью их позиций, чистотой идеалов, злободневностью репертуара. В длинном ряду традиционных песенных фестива-

ные итоги. Они — в традиционных опросах зрителей, в дискуссиях пресс-центра, во мнениях самих участников: что дал им фестиваль, что нового они услышали, что почерпнули у соперников?

— Судя по тому, что я видел и слышал в Сочи, первенец международных фестивалей политической песни был ярким и современным,— сказал поэт Роберт Рождественский, член жюри конкурса и один из его лауреатов. «Баллада о Знамени», написанная Оскаром Фельцманом на стихи Рождественского, получила главный приз фестиваля.

Александр МАРЬЯМОВ

На третьей звуковой странице вы услышите песни-плакаты:

«ВНОСИ СВОИ ВКЛАД». Как мило выглядят боссы на фотографиях, но у них другое выражение, когда они видят, что мы тоже хотим участвовать в управлении. Но есть книга, в которой написано, что должен делать рабочий: «Манифест».

«МАЛЕНЬКИЙ ВЬЕТНАМЕЦ ЛИН». «Сколько пальцев на обеих руках?» — спросил учитель. «Десять!» — закричали все. «Семь», — ответил один... Три пальца оторвала ему мина.

А ведь он мог стать пианистом...

На фото: Круг почета. За рулем артист цирка — Гоша.

СОЧИ:

приметы конкурса

лей наш, сочинский, будет занимать особое место.

Итак, в Сочи в течение шести дней звучала молодежная политическая песня. Певцы из двенадцати стран вместе с эстрадно-симфоническим оркестром Всесоюзного радио и телевидения под руководством Юрия Силантьева исполнили в Зимнем театре около пятидесяти песен о мире, дружбе, равенстве, песен протеста и народных баллад. Фестиваль доказал, что молодежные политические песни имеют право на эстраду. Они не только с волнением слушаются, но и являются проверкой мастерства молодых исполнителей.

Официальная оценка известна. Мы аплодировали болгарской певице Эмили Марковой и нашему дебютанту Владимиру Гаврилову, получившим первые премии, кубинке Лурдес Гиль и венгру Чаба Этвешу, получившим вторые премии. Польские исполнители Марыля Родович и Вальдемар Коцонь и советская певица Галина Ненашева разделили третье место.

Однако у всякого конкурса непременно бывают и неофициаль-

Рисунок
А. Брусиловского

В самом деле, чтобы рассчитывать на выигрыш, обладателю этого номера «Кругозора» следует сначала проиграть... Впрочем, просто проиграть десятую звуковую страницу недостаточно. Нужно еще и понять, «что есть что»: расшифровать, так сказать, все звуки этой пластинки. Если вы разгадаете звуковой ребус, то станете обладателем всех двенадцати номеров «Кругозора-70». Это и есть приз победителю.

Итак, выигрывает проигравший и приславший правильные ответы до первого марта.

Кстати, все звуки, помещенные на этой пластинке, внимательному слушателю нашего журнала должны быть хорошо известны...

Фазиль ИСКАНДЕР

В последний раз мы с дядей Сандро встретились в открытом кафе у моря. Я сидел один, и он подсел ко мне. Со времени нашей предыдущей встречи в жизни дяди Сандро случилось два события: он попал в автомобильную катастрофу и получил пенсию. Пенсию он выхлопатывал давно и даже меня подбивал помочь ему, но помочь я ему ничем не мог. Насколько я знал, у него не было почти никакого трудового стажа.

Я так и не понял, каким образом он сумел получить пенсию: то ли ему зачли автомобильную катастрофу, во время которой он отделался одним выбитым и одним сломанным зубом, то ли еще что. А может быть, люди, достигшие его возраста, вообще имеют право на пенсию, я так и не понял. Сам он об этом рассказывал с таинственным лукавством.

— Как же все-таки получили? — спросил я, когда он сообщил мне о своей маленькой пенсионной победе.

Дядя Сандро был в отличном настроении. Он пригладил свои серебряные усы и слегка запрокинув голову, притронулся к нежной жировой складке на шее.

— Ты знаешь, что это такое? — сказал он.

— Жир, — тупо проговорил я.

— Мозоль, — ответил дядя Сандро с иронической гордостью. — Думаешь, легко быть вечным тамадой, — пояснил он и снова запрокинул голову, показывая, что, когда пьешь, все время приходится держать голову в таком положении. Он притронулся к своей складке на шее и даже похлопал ее поощрительно, в том смысле, что она ему еще послужит.

Именно в эту встречу зашел у нас разговор о божественных промыслах. В эти дни в газетах много писалось о снежном человеке, и я, как обычно, пересказал ему все, что читал на эту тему. Он с большим интересом выслушал меня и спокойно подтвердил, что все это правда, что сам он в молодости видел в горах лесную женщину, как он ее называл на абхазский лад. На его глазах она выросла из кустарников, с длинными, развевающимися волосами, и побежала вниз, в котловину, на ходу ударяя руками по голове, как это делают у нас женщины во время оплакивания.

— Вы не испугались, дядя Сандро? — спросил я.

— Нет, — сказал он просто, — у меня было ружье. Вот другой случай был у меня в горах, тут я испугался по-настоящему. Но это он нам подстроил, — заключил дядя Сандро и кивнул головой на небо.

— Как он? — переспросил я, потому что никогда до этого не слышал, чтобы дядя Сандро ссылался на небеса.

— Он или кто-то из его людей, — уточнил дядя Сандро и посмотрел на меня многозначительно.

— Так расскажите, — сказал я.

— Выпьем еще по кофе и коньяку, — согласился дядя Сандро, кивнув на официантку, — я этот случай редко рассказываю, но тебе расскажу...

Я подозвал официантку, заказал коньяк и по чашке кофе по-турецки. Дядя Сандро, пока я заказывал, спокойно сидел напротив, довольно внушительно положив руки на посох, который он завел, по-моему, в связи с получением пенсии. Я ждал, когда он начнет рассказывать, но дядя Сандро мол-

чал, поглядывая на убравшую со столика официантку в том смысле, что рассказ не рассчитан для ушей непосвященных.

— Это было, — начал он, отхлебнув кофе из чашки, — за год до Большого Снега и через год после того, как наш народный герой Шашико убил стражника и ушел в лес. Его ловили пятнадцать лет и не могли поймать. Ни один пристав не мог пройти пешком или проехать на лошади от Чегема до самого Цабала. Везде его поджидала верная пуля Шашико. Но что о нем говорить, я не о нем, царство ему небесное. Как всегда, обманом его выманили из леса, обещали амнистию, а потом вместе с братом убили в тюрьме.

Но я не об этом. Я хочу рассказать, что было со мной. В то лето отец держал скот в урочище Башкапсар. Здесь дичь еще была непугана и носули иногда заходили в наше стадо поиграть с козами. Однажды у нас пропала лошадь. Мы с раннего утра ее искали и, когда солнце поднялось на высоту хорошего бука, напали на ее след. Часа два шли мы по сле-

ДЯДЯ

САНДРО

И

БОЖЕСТВЕННЫЙ

ПРОМЫСЕЛ

ду, пока не увидели ее на таком выступе, откуда она сама спуститься не могла. Со сном такое бывает, особенно когда он голоден и упадет на хорошую траву. А эту лошадь только-только пригнали из деревни. Семь потов с нас сошло, пока мы ее оттуда выволокли и пригнали обратно.

И вот мы подходим к нашему лагерю, но решили передохнуть на взгорье у ручейка. Лучшего места для отдыха не сыщешь. Внизу, в ложине, версты две до нашего лагеря. Над балаганом дым: пастухи обед готовят. Справа на склоне пасутся коровы, выше — лошади, еще выше — козы. Слева пихты и кедрочки, ломая друг другу ребра, тянут головы к небу. А небо чистое, ни одной тучки. Воздух крепкий и вкусный, как молоко буйволицы. Такого воздуха, такой благодати сейчас нет. Сейчас и в горах воздух порченый, потому что везде самолеты летают.

Вот в таком месте мы присели у ручья, напились и решили передохнуть. Товарищ мой, наш односельчанин, я его не называю, потому что он еще живой, решил смочить в ручье свои чувяки. Они у него пересохли. Вижу, снимает с ног и сует прямо туда, где мы пили воду.

— Что ты делаешь, — говорю, — разве ты не знаешь, что это не положено по нашим обычаям? Раз ты пил здесь воду, значит, надо спуститься пониже, если хочешь вымыть ноги, или смочить чувяки, или платок постирать.

— А, — говорит, — ничего не случится. Мы уже напились, а люди здесь не ходят...

— Может, ничего и не случится, — говорю, — но зачем обычной нарушать? Не мы его придумали.

— Тех, кто придумал, — отвечает он вроде в шутку, — давно уже нет, а мы ниному не скажем...

Не понравилось мне это, но что скажешь? Слишком легкий он был человек, да и я был молод. Думал, обойдется как-нибудь... Так вот, он и сунул свои чувяки в воду и даже камнем их прикрыл, чтобы лучше водой пропитались.

И вот, значит, лежим мы в медуовой альпийской траве. Солнце греет, ручей журчит, дремота забирает... Такое сладкое место было — нельзя не уснуть. И уже я, наверное, видел второй сон и перешел к третьему, как почувствовал во сне — случилось что-то нехорошее. Еще сплю, а сам думаю, что бы могло случиться. Неужели медведь зарезал кого-ни-

будь из нашего стада? И так во сне хочу догадаться, что случилось, потому что, думаю, проснусь — поздно будет. Но чувствую, никак не могу догадаться во сне. Нет, думаю, надо проснуться и на все посмотреть своими глазами, тогда, может, пойму, что случилось. Подымаю голову, озираюсь.

Смотрю вниз — балаганы на месте, дым идет, пастухи обед готовят. Смотрю направо по склону — вижу, коровы пасутся, выше — лошади и совсем наверху — козы, как белые камни. Нет, думаю, там ничего не случилось, иначе стадо всполошилось бы. Товарищ мой спокойно спит. Отчего же, думаю, что-то душу свербит? И вдруг прислушался и обмер: ручей перестал журчать. Я заглянул в него и почувствовал — не дай тебе бог почувствовать такое! Словом, вижу, ручей пересох. Вода кое-где в углублениях, как на дороге после дождя. Так что и горсти не наберешь.

Тряхнул я своего товарища и говорю: «Посмотри, что ты наделал!»

Он так перепугался, что никак не мог натянуть свои чувяки. Руки болтаются, как сломанные, губы шепчут: «Аллах, пощади...»

В то лето его буйволица во время грозы, ошалев от крупного града, сорвалась со скалы, а у меня медведь зарезал годовалого телка. С тех пор мы на эти пастбища не возвращались.

— Дядя Сандро, — говорю я, — а что, если где-то сверху сорвался большой камень или лавина перекрыла ручей?

— Так и знал, что-нибудь такое скажешь, — ответил дядя Сандро с усмешкой, — значит, по-твоему, лавина день и ночь ждала, покамест мой товарищ чувяки вымоет в этом ручье, а потом сказала себе: «Ага, теперь самое время сорваться и перекрыть ручей!»

— Мало ли что могло случиться, — сказал я.

— Тогда ответь, — вдруг оживился дядя Сандро, — почему он у него взял буйволицу, а у меня только телка?

— При чем тут буйволица и телок? — не понял я.

— А при том, — ответил дядя Сандро, — что он, как хороший судья, наказал нас. У него, как у главного виновника, взял буйволицу, у меня — годовалого телка за то, что не остановил его.

— Дядя Сандро, — говорю я, — неужели он за вами не видел других грехов?

Дядя Сандро спокойно посмотрел на меня и сказал:

— Он не всякие грехи карает. Если ты грешил, рискуя жизнью, он это учитывает. Но, если ты грешил, ничем не рискуя, наказания не избежать. И у меня есть такой грех.

— Расскажите, дядя Сандро, — попросил я, разливая остаток коньяка.

— Нечего рассказывать, — сказал дядя Сандро и, сплоснув рот коньяком, проглотил его. — На свадьбе Татырхана я своей рукой зарезал двенадцать быков, и теперь в последние годы кисть правой руки болит... Глупый был, согласился...

Дядя Сандро задумался, и выражение его слегка выкаченных глаз мне впервые показало себя эмоциональным.

— Да, — проговорил он, — двенадцать беззащитных быков...

Мне показалось, что он сейчас разрыдается. Но тут к нам подошел молодой человек, исполненный ликующего почтения.

— Дядя Сандро! — воскликнул он. — А я вас ищу по всему городу...

— Что ты говоришь! — оживился дядя Сандро. — А я совсем забыл. Старею, старею, дорогой.

— Как можно, дядя Сандро, расходятся! — воскликнул молодой человек. — Никто ни к чему не хочет притронуться без вас!

— Иду, мой мальчик, иду, — сказал дядя Сандро и, встав, оправил череску.

— Извините, дорогой, но компания идет! — сказал молодой человек миролюбиво, но твердо, обращаясь ко мне, как бы давая знать, что было бы безумным расточительством тратить драгоценные силы великого тамады на одного человека, когда его ждут жаждущие массы. Дядя Сандро прошел между столиками, величественно и в то же время доброжелательно раскланиваясь со знакомыми, и по его легкой, гарцующей походке было видно, что посох в его руке — скорее отвлеченный пророческий символ, чем палка, на которую опирается старческое тело.

Рисунок Е. Шукоева

русская свадьба

Виктор БОКОВ

Русская крестьянская свадьба по существу была обрядовым представлением, где жениха играл всамделишный жених, а невесту — всамделишная невеста. Каждый участник делал то, что ему полагалось по ритуалу, в итоге творилось красочное представление, на которое смотрела вся деревня. Положено невесте плакать, она и плачет, но плачет не от притворства, а от переживания и страха расставания с отцом и матерью и ухода в чужую семью. Надо было целовать жениха, невеста и это делала, а народ «глазел», скромная невеста, будущая жена.

Важной фигурой на свадьбе был дружка. На эту роль выбирался человек, безусловно владеющий

живой речью, умеющий говорить в рифму, знающий традицию народного ораторского искусства.

Он мог обратиться к народу с такими словами:

— По полу ходячие, посередине избы стоячие, вы, старые старухи, запечные забивухи, толстые загнетки, косые заплатки, вы, красивые девицы, криночные блудницы, пирожные мастерицы, пожалте к орешкам!

Я это слышал в своей родной деревне Язвицы, под Москвой...

Последовательно и удивительно стройно вплетались в порядок свадебного действия песни. Невеста пела матери: «Отдай, маменька, куда хочется, не за старого, не за малого. Отдай, родная, за ровнюш-

Уважаемые мои, глубокоуважаемые посетители! Такая проникновенность моего обращения неспроста: нам предстоит сегодня большое путешествие, весьма, впрочем, приятное. Дело в том, что наш «Кабачок» два долгих летних месяца кочевал по Парижу — городу, где триста тысяч человек сочиняют песни, тридцать делают это более или менее успешно и лишь пятеро выбились в звезды первой величины. Жизнь песни находится в прямой зависимости от исполнителя, издателя, покупателя пластинок. Правда, есть несколько знаменитых певцов, сочиняющих для себя репертуар, и что бы ни вышло из-под их пера, в общем, обречено на успех, настолько сами они обожаемы и не подлежат критике. (У нас их зовут «шансонье»... Боже! Какое заблуждение! Шансонье, скажу вам по секрету, шутник, пародист, анекдотчик. Исполнитель же песенок — «шантер»). И вы, мои дорогие посетители, получив эту ценную информацию, имеете полное основание улыбаться снисходительно и даже с оттенком жалости, когда услышите где-нибудь в обществе, как какой-то невежда судит об этом предмете, ничего не смысля в терминологии.)

Есть еще один «парижский» способ протолкнуть песню к широкой публике, то есть заставить ее крутиться в сотнях тысяч домов со скоростью

«КАБАЧОК»
В ПАРИЖЕ

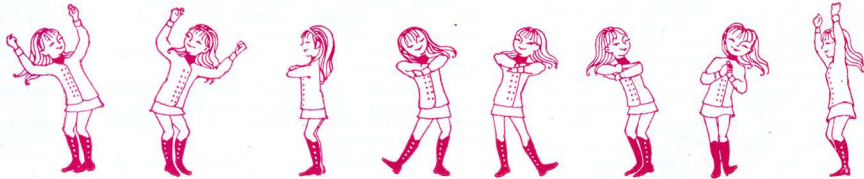
33 1/2 оборота: нужно, чтобы она имела какой-либо «русский» признак — в содержании, в мелодии, в русском слове, которое французы с восторгом запоминают. В этом вы сегодня убедитесь, познакомившись с «парижским казачком» (отсылаю вас к рисункам и пластинке). Я сам посетил одно из ночных кабаре («Буат дэ нюи» — «Ночной ящик», теперь вы знаете, как в Париже называются ночные кабаре, только, чур, между нами!..), которое стало знаменитым лишь благодаря таланту нашего замечательного сочинителя песен Матвея Блантера. (Он еще об этом не знает, и я ручаюсь, что этот номер «Кругозора» он будет впоследствии искать по загородным киоскам «Союзпечати».) Я говорю загадками, во-первых, потому, что говорить загадками очень заманчиво, а во-вторых, потому, что в нашем «Кабачке»... Впрочем... Молчок!..

Но еще не все пути песни я назвал. Сейчас очень модно слушать, как поют знаменитые киноартисты. Будет и это. Так что найдите 11-ую звуковую страницу, и вы очутитесь на берегах Сены. Уважающий вас всегда и истинно

Зиновий Гердт.

PS. Визы, анкеты, справки о прививке оспы не обязательны.

Рисунки Л. Борзых

ну». Невеста пела отцу: «Ты поставь, родной мой, все три сторожа, Первого сторожа у ворот-дверей, а другого сторожа середи двора, третьего сторожа по конец стола...»

Величали песней жениха: «Бел, бел заюшка, горностай молодой, а дружка и свое припечатывал: «Наш новобрачный князь не ударит лицом в грязь, не сверчок запечный, не остролов поперечный, ладный, складный, дородный, благородный, что плясать, что пахать, на все смелство, умелство имеет, всякое дело разумеет».

Величали песней невесту: «Нет гостя, нет гостя да во всем пиру, только есть гость, только есть гость, наша Марьюшка».

А дружка и тут ронял из уст злато слово: «На небе красно солнышко, на земле ясна Марьюшка. Взяла она красотой, взяла добротой, взяла она очами, взяла она умными речами. Такая невеста не

будет без места, такая хозяйка не худая вязаночка, с ведра не расплещет, с бедра не рассорит, улыбнется, как вода из колодца, снажет, как медом помажет».

Величали жениха и невесту вместе: «Разливались разливы, разливы широкие, по тем по разливушкам два лебедя плавали».

Удивительна песенная символика свадьбы. Поется «отставала лебедушка от стада лебединого», а все понимают, что лебедушка — невеста и стадо лебединое — подружки, с которыми она прощается. Поется о лебедях, а все понимают, что это о женихе и невесте.

Пусть ушел из быта старый свадебный обряд, но красота его песен, стройность его драматургии, реалистичность его поэзии останутся нам как великое творчество народа, как свидетельство неиссякаемой талантливости русского человека, его душевной щедрости, молодости, здоровья и силы.

12(69) декабрь 1969

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой
странице обложки:
Зима в Федоскине.
Заслуженный
художник РСФСР
М. Чижов

Режиссер
Н. Субботин
Художник
Е. Казаков
Техн. редактор
Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, И-427,
ул. академика
Королева, 12.

Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48

Б 04924.
Подп. к печ. 12/XI
1969 г.

Формат бумаги
84 × 108^{1/4}.

Усл. п. л. 1,68.

Уч.-изд. л. 1,4.

Тираж 350 000 экз.
Зак. 2973. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

1—2. «Голоса 1969-го». Пано-
рама главных событий года.
Звуковые страницы подготовил
Ф. Свешников.

3. Песня-плакат. Победители
фестиваля в Сочи: Ф. Янсон
(ФРГ) — «Вноси свой вклад».
Э. Маркова (Болгария) — «Ма-
ленький вьетнамец Лин». В. Гав-
рилов (СССР) — «Баллада о
Знамени».

4. Первый оттиск. А. Нови-
ков, А. Софронов — «При доли-
не». Поет вокальный ансамбль
«Лайне». Д. Кахидзе — «Кри-
манчули» в исполнении во-
кального ансамбля «Орэро».

5. Звуковое приложение к со-
бранию сочинений. А. Блон.
Главы из поэмы «Двенадцать».
Читает народный артист РСФСР
Дмитрий Журавлев.

6. «Домский сбор в трех из-
мерениях». Репортаж из Риги.

7. Профиль молодого совре-
менника. Поет солистка Боль-
шого театра Тамара Синявская.

8. «Разливались разливы».
Старинные свадебные песни.

9. Театр Кругозор. Аркадий
Райкин: «Новый год, гово-
рите?»

10. «Чтобы выиграть — про-
играйте». Пластинка-загадка.

11. «Кабачок 33½ оборота» в
Париже. Наши гости — певцы
Ж. Лёмер, Ш. Азнавур и... «рус-
ский казачок».

12. «Эстрада планеты». Бол-
гарский певец Эмил Димитров.
«Три песни о любви».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
фирмой «Мелодия»
и Государственным домом
радиовещания
и звукозаписи.

— В Таннариве у меня было четыре жены,—
сказал, слегка подвыпив в новогодний вечер, Ру-
щак,— две желтые, одна розовая и одна — вам это
будет интересно знать — голубого цвета. Все мои
жены были докторами экономических наук. Жи-
лось нам превосходно. Кофе, коньяк, ликеры, зав-
траки, обеды, ужины. Весьма приятно.

Мы слушали Рущака с неослабевающим внима-
нием. Так слушают бывалого, многое переживше-
го человека.

— Если бы не магараджа Цепары, я остался бы
в Таннариве подольше. Увы, магараджа упорно хо-
тел меня усыновить. А как сын, я должен был во
всем ему подчиняться. Магараджа приказал мне
охотиться на слонов с реактивного самолета.

— И вы не могли ему отказать? — спросил я,
охваченный внезапным страхом.

— Да что вы? Отцу? — пожал плечами Рущак.—
Я охотился крайне неудачно. Мне нечего от вас
скрывать. Метатели древних ядер сбили меня над
караимскими джунглями. Метателями оказались
туземцы, впрочем, снисходительные и кроткие.
Они избрали меня вождем, что было связано с
обязанностью жениться на легендарной княжне
Киви. Я не мог уклониться от этой обязанности и,
откровенно говоря, по сей день женат на княж-
не. Я даже плачу ей алименты.

— Долларами? — спросили мы.

— Нет. Постным маслом. Постное масло в джун-
глях очень дорого, а меж тем у нас оно стоит две-
надцать пятьдесят бутылка.

— Восемнадцать золотых бутылка,— поправил я.
— Двенадцать пятьдесят,— повторил Рущак,
повышая голос.

— Восемнадцать,— сказал я с нажимом.

Мы расстались в молчании.

На улице я остановился у продуктового магази-
на. В витрине стояла бутылка с постным маслом.
Цена — 18 золотых.

«Врет, скотина», — грустно подумал я.

Перевел с польского Вл. Приходько.

Рисунок Е. Шабельника

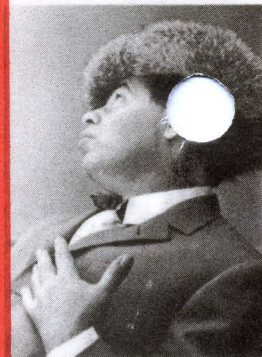

*Театр
Кругозор*

**НОВОГОДНИЕ
МОНОЛОГИ**

Фото
Ю. Кривоносова

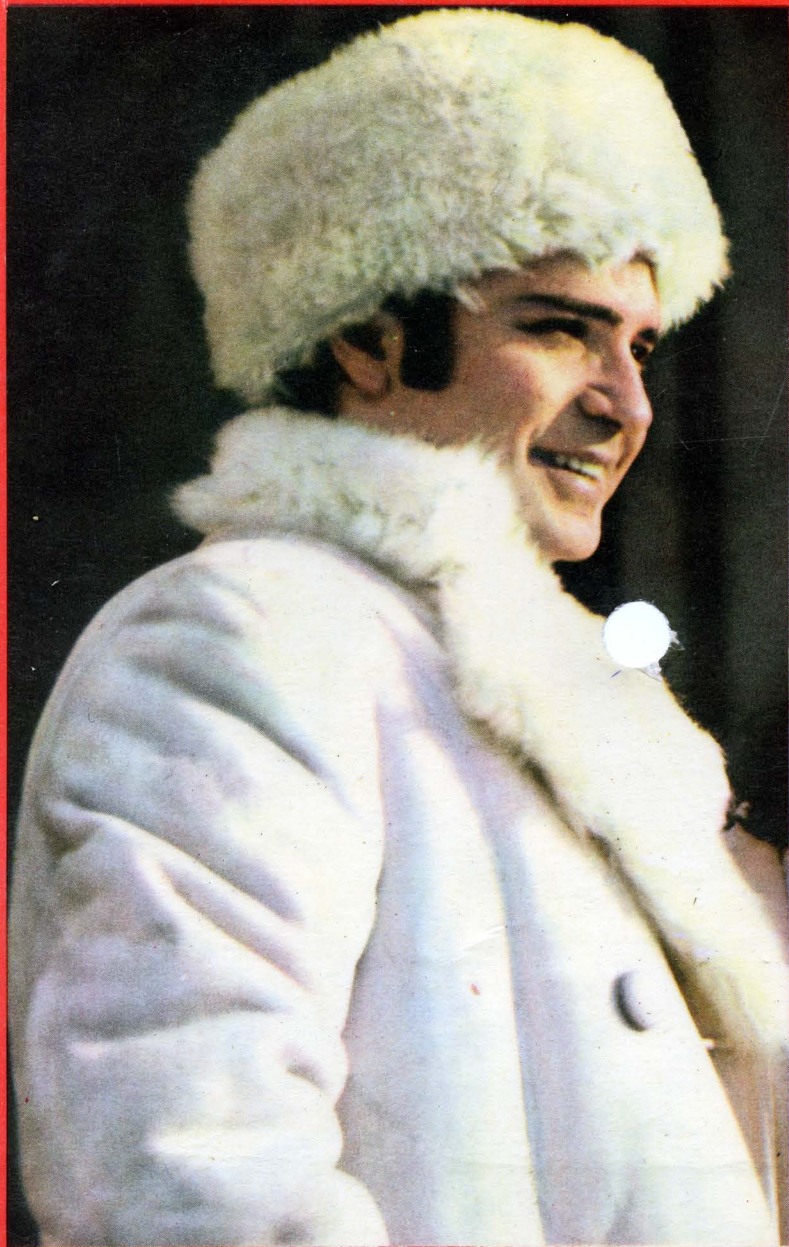
9

АРКАДИЙ РАЙКИН:

*«С очередным
Новым годом!»
«Так и будем
смеяться
от случая
к случаю?»
«Одну,
конечно,
можно...
для
заправки...»*

цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

12

ЭМИЛ ДИМИТРОВ

Болгария

Он никогда не выступает дважды в один вечер. Если днем назначена запись или съемка на телестудии, он отказывается от выступления.

Только один концерт — двадцать песен. А потом часами один в гостиничном номере или дома в полном изнеможении, как после болезни.

Он считает себя учеником Эдит Пиаф. Именно у нее Эмил учился отдавать каждой песне все силы. У него сильный голос — хоть в оперу, но он не любит петь без микрофона: считает его не усилителем звука, а инструментом исполнителя.

Певец не чуждается моды. Но истину ищет в том, что не проходит с сезоном. Когда Эмилу вручали золотую пластинку — миллионную — и спросили о самом счастливом его концерте, он рассказал, как в Волгограде спел песню о солдатах, не вернувшихся с войны, и в зале не было аплодисментов, просто все молча встали, на сцену вышел старик в гимнастерке и поцеловал его...

Есть проверенный стандарт биографии «звезды»: живет ничем не примечательный парень (девушка), в один прекрасный день он (она) попадает на киностудию (эстраду) и однажды просыпается знаменитостью. Биография Эмила будто нарочно соответствует этой схеме. В семье эстрадного фокусника рос ничем не примечательный мальчик, для общего развития учился играть на рояле «Вторую рапсодию» Листа. Когда его призвали в армию, стал исполнять ту же рапсодию на аккордеоне. Почувствовав некоторое однообразие репертуара, начал сам придумывать слова и музыку. И в один свободный от службы вечер сочинил песенку о грустном клоуне Арлекине, чье сердце сгорело в огне любви. Прошло совсем немного времени, и сочиненную девятнадцатилетним болгарским солдатом историю про клоуна повезли по свету певцы из 23 стран — участники фестиваля в Сопоте. А ее автор получил свою первую международную премию.

Мало кто знает, что каждый день по десять часов Димитров проводит у рояля. Что он сочинил пятьдесят песен, а исполняет меньше половины. «Остальные я еще не умею петь, я только написал их», — говорит Эмил.

А. ШЕРЕЛЬ

Фото А. Лидова